

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.162.105>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИНТЕНСИВЫ В ПОЭЗИИ ВИКТОРА КРИВУЛИНА

Научная статья

Джамалова М.К.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-4185-8455;¹ Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (madlend788[at]gmail.com)

Аннотация

Цель статьи заключается в изучении функций синтаксических интенсификаторов в поэтическом тексте Виктора Борисовича Кривулина. Актуальным представляется изучение синтаксических особенностей, формирующих такие коннотативные характеристики поэтического текста, как интенсивность, оценочность и экспрессивность. Материалом исследования послужили произведения из позднего цикла Кривулина. Новизна исследования определяется обоснованием актуальности когнитивно-дискурсивного аспекта исследования взаимодействия языковых единиц разных уровней при реализации разных коннотативных оттенков в поэтическом дискурсе. Изучение интенсивности синтаксической организации текстов Кривулина проявляет прагматический потенциал синтаксических структур в поэзии. В результате исследования выявлены и проанализированы некоторые экспрессивные синтаксические средства, способствующие созданию интенсивности, отмечено их взаимодействие с семантическим уровнем.

Ключевые слова: интенсивность, синтаксическая конструкция, экспрессивность, семантическая структура, субъективная модальность, лексический повтор, оценочность, тема — рема.

SYNTACTIC INTENSIFIERS IN VIKTOR KRIVULIN'S POETRY

Research article

Dzhamalova M.K.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-4185-8455;¹ Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

* Corresponding author (madlend788[at]gmail.com)

Abstract

The aim of the article is to study the functions of syntactic intensifiers in the poetic text of Viktor Borisovich Krivulin. It is relevant to explore the syntactic trait that form such connotative characteristics of poetic text as intensity, evaluativeness, and expressiveness. The research material consists of works from Krivulin's late cycle. The novelty of the research is determined by the substantiation of the relevance of the cognitive-discursive aspect of the research into the interaction of language units of different levels in the expression of different connotative shades in poetic discourse. The study of the intensity of the syntactic organisation of Krivulin's texts highlights the pragmatic potential of syntactic structures in poetry. As a result of the research, some expressive syntactic means contributing to the creation of intensity were identified and analysed, and their interaction with the semantic level was noted.

Keywords: intensity, syntactic structure, expressiveness, semantic structure, subjective modality, lexical repetition, evaluativeness, theme — rheme.

Введение

Экспрессивность поэтического текста во многом обусловлена синтаксической организацией используемых автором языковых средств. Синтаксические средства в структуре поэтического текста интенсифицируют коннотативные значения семантической организации синтаксического ряда, выявляют периферийные и потенциальные значения семантики синтагм, проявляют стилистические функции, передают авторскую интенцию.

Изучение разных аспектов семантического синтаксиса было объектом исследования в работах Г.Я. Солганика, А. К. Жолковского, И.И. Ковтуновой, Н.А. Кожевниковой, Л.В. Зубовой, М.Н. Кожиной, Д.И. Александровой, Ю.В. Рождественского, Н.Д. Арутюновой, Д.Н. Шмелева, О.А. Лаптевой и др. [3], [4], [5], [7].

Методы и принципы исследования

Актуальность работы состоит в том, что приведенный в статье материал не изучен в лингвистическом аспекте и вводится в научный оборот впервые. Интерес к данной теме был вызван тем, что лингвистический анализ стихотворений Виктора Кривулина позволяет описать русскую языковую картину мира 1960 – 1980-х годов.

Объектом исследования являются тексты стихотворений Виктора Кривулина. Предметом исследования являются стилистические функции лексического повтора, вставных и вводных конструкций, инверсии, актуального членения предложения в поэзии Кривулина, а также их роль в формировании авторской интенции.

Цель статьи — выявление функционального назначения использования разных средств экспрессивного синтаксиса в поэтическом тексте Виктора Кривулина.

Материалом для исследования послужили поздние поэтические произведения Виктора Кривулина, синтаксическая выразительность которых наиболее высока.

Методами исследования функций синтаксических средств интенсивности в поэтическом контексте Виктора Кривулина стали описательный метод, основанный на наблюдении за использованием синтаксических конструкций с определенными прагматическими задачами; метод контекстуального анализа; когнитивный метод изучения условий выбора автором того или иного экспрессивного синтаксического приема усиления интенсивности. Анализ поэтического текста Виктора Кривулина напрямую связан с анализом культурного кода эпохи, который эксплицируется в поэзии в том числе посредством выбора тех или иных языковых средств.

Теоретической и методологической основой работы послужили исследования прагматических характеристик синтаксиса в современной лингвистике [2], [5], [8], [10].

Основные результаты

Модальность поэтического текста Виктора Кривулина создается при помощи как синтаксических, так и лексических средств, которые во взаимодействии формируют яркий стиль произведений поэта. Синтаксическая организация произведений Виктора Кривулина задается особым ритмическим рисунком.

Интенсивности синтаксических конструкций в поэтическом языке Виктора Кривулина часто способствует употребление разных видов лексического повтора. Так, в одном из последних произведений «Были игры» Виктор Кривулин использует субстантивный лексический повтор. Позиционно обусловленные падежные формы номинативов «игра» и «слово» в первой и последней строфе создают аллюзию: возникает отсылка к известному библейскому выражению. Трехкратное использование существительного «*игра*» в форме мн.ч. в первой и последней строфе создает рамочную акцентуацию на этом субstantиве, тем более что оно вынесено автором в заголовок: «*как бы ни были игры суровы / это игры всего лишь*», «*были игры вслепую — с духовною жаждой...*» [9, С. 456] (Здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены). Интонационное выделение существительного *игра* и попеременное употребление его то в функции субъекта, то предиката интенсифицирует этот субstantив, который формирует предикативное ядро. Использование Виктором Кривулиным идентичного дистантного субстантивного повтора приводит к акцентуации внимания читателя.

Также использование лексического повтора способствует интенсивности синтаксической организации произведения «горечь сухая миндальная горечь», где идентичная дистантная повторная номинация субstantивов *горечь* и *небо* в сильных позициях усилена трехкратным идентичным дистантным повтором союза *как* и слова *можно*, а также неидентичным глагольным повтором *было-бывало и станет — стало* [9, С. 452]. Кольцевой повтор отадъективного субstantива в заголовке «горечь сухая миндальная горечь...» задает субъективную модальность семантической структуры произведения в целом. Коннотация семантики повторяемого слова *горечь*, усиливаемая адъективом *миндальная*, проецирует отрицательную оценочность языковых средств всего стихотворения: вкус миндаля уподобляется вкусу яда.

Обращает внимание порядок слов: позиция в стихе повторной номинации. Виктор Кривулин использует чаще начало стиха, формируя сильную рему, логическая акцентуация на которой способствует приданию интенсивности поэтическому тексту: «*что-то ведь было! и, судя по звуку, / было не пусто — не просто коптили / небо*» [9, С. 452]. Поэт создает оборванную синтаксическую конструкцию, прямой объект в которой вынесен в начало следующей строки. Здесь интонация конца предложения накладывается на совершенно контрастную интонацию начала стиха, придавая интенсивность поэтическому тексту. Виктор Кривулин использует стилистический эффект неожиданности продолженного синтаксического ряда, когда визуальное и аудиальное во взаимодействии придают новую коннотацию семантической структуре синтагмы.

Авторская интенция проявляется в порядке слов и в заголовке произведения «Были игры», который дважды повторяется в тексте стихотворения. Изменение порядка следования компонентов создает совершенно иную семантическую структуру приведенного предложения, чем при прямом порядке: *Игры были*. При таком порядке проявляется нейтральное значение бытийности. Однако при перестановке компонентов предикативного ядра возникает экзистенциальная интонация. Рамочное употребление приведенной структуры способствует модальной определенности, которая четко прослеживается в последующем контексте: «*победителей нет — их не судят / лишь по кипени серной кораблик бумажный / и швыряет и крутит*» [9, С. 456]. Оценочность семантической структуры сформирована при помощи метафоры, эксплицируемой сочетанием субstantива *кораблик* с адъективами *серной*, *бумажный* глаголами *швыряет*, *крутит*.

В произведении «Были игры» Виктор Кривулин употребляет в одной строфе субstantивы «игра» и «слово», тем самым сближая эти понятия: семантическая структура предложения осложняется игрой в слова, когда словом о слово можно ударить или провести. Актантная структура субstantива «слово» не предполагает соединения в синтагматическом ряду с указанными предикатами. Конкретизации абстрактного субstantива способствует синтаксическое употребление в составе сложных словосочетаний, проецирующих модальность произведения в целом. Возникает новая реальность: слова утрачивают номинативную и рефлексивную функцию и приобретают вещное начало, начинают вести себя как предметы, наделяясь автором способностью к конкретным действиям. Амбивалентность оценочности повторяемых субstantивов ярко проявляет авторскую интенцию. Взаимодействие положительных и отрицательных оттенков значения осложняет семантическую структуру синтаксических конструкций.

Интенсивности синтаксических конструкций способствует также переключение оценочного регистра, создаваемое в том числе употреблением библейских отсылок: «*ударяешь ли слово о слово...*» (В начале было слово), «*ныне и присно*», «*на полях рукописных*», «*во веки веков*», «*морем житейским*», «*по кипени серной*» [9, С. 456]. Использование библейской лексики создает стилистически маркированное повествование, которое автор намеренно переключает в предложении «*горячий источник бьет сплошным чернышевским*» [9, С. 456]. Неспешный ритм высокого

повествования прерывается приведением имени русского писателя, написанного с маленькой буквы. Здесь графическое проявление субъективной авторской модальности отсылает читателя к теории «разумного эгоизма», выдвинутой Чернышевским. Употребление фамилии писателя создает неоднозначное повествование, абсурдность которого поддерживается средствами вторичного семиозиса. Адъектив *сплошной* становится вершиной семантической выразительности этой строфы. Субстантивное словосочетание *сплошным чернышевским* проявляет косвенную оценочность, когда периферийная коннотация ярко проявляется в недосказанности.

Кроме изменения порядка слов в предложении, Виктор Кривулин использует разные типы синтаксических конструкций. Бессоюзные предложения типизированной структуры в сочетании с разными видами придаточных сближает поэтическую речь с разговорной: отсутствие точек, запятых, средств связи (в БСП) делает синтагматический ряд интонационно насыщенным, передает субъективные модальные оттенки. Четырехкратная инверсия адъективов в адъективно-субстантивных словосочетаниях (*не имевшая точек общих с морем житейским*) интенсифицирует определительные компоненты семантической структуры поэтического ряда. Инверсия почти в каждом стихе создает сильные позиции, рематически закрепляющие ядерные коннотации.

Насыщенности семантики также способствует использование однородных членов предложения: субстантивов (*состязанье, музыка*), адъективов (*ударных и струнных*), предикатов (*проиграешь, посмотришь; и швыряет, и крутит*) и наречий (*ныне и присно*).

Одним из самых экспрессивно наполненных синтаксических средств является использование Виктором Кривулиным вводных и вставных конструкций. Так, например, в произведении «вот и кончается улица там...» поэт вводит в поэтический текст одновременно и лексический повтор, и вводную конструкцию: «*в разрушенном карфагене юности нашей — нашей? — вечное раннее утро*» [9, С. 450]. Выделенное графически притяжательное местоимение, которое осложняется ещё и вопросительной интонацией, формирует особую субъективную модальность поэтического текста. Автор чётко проявляет отношение к общим воспоминаниям, вопрошая: *нашей?* Вопросительная интонация вводной конструкции задает несколько смысловых пластов: здесь и уточнение, и эмоциональный отклик, и ожидание согласия, подтверждения. Многозначность семантической структуры вводной конструкции позволяет сделать вывод о высокой степени интенсивности этой синтаксической единицы.

В некоторых произведениях Виктор Кривулин использует не одну, а несколько вставных конструкций, как, например, в стихотворении «горечь сухая миндальная горечь...»: «*что-то (хотя бы обрывки и крохи)/ существовало и в самых пропащих / из человеческих состояний*» [9, С. 452]. Приведенная в скобках конструкция имеет уточняющий характер и выполняет апеллятивную функцию. Она никак оценочно не маркирована. Однако уже в следующем примере мы наблюдаем проявление экспрессивности: «*можно — уже ни на что не надеюсь — / вверх обратиться*». Третья вставная конструкция еще более экспрессивно наполнена: «*вверх обратиться (куда же мы делись?) / — в небо с оплавленными краями*» [9, С. 452]. Повествовательная интонация поэтического текста трижды разбивается при помощи вставных конструкций, привнося то уточняющее значение, то экспрессивно выделяя небольшие авторские ремарки. Субъективная модальность вставной конструкции (*куда же мы делись?*) перекликается с последним стихом: «*кто это нынче становится нами?*». Средствами вторичного семиозиса Виктор Кривулин подчеркивает уточняющий, пояснительный характер этих конструкций, что порой противоречит их семантике: вторая и третья имеют экспрессивный характер и потому должны характеризоваться как вводные. Вопросительные конструкции риторического характера придают тексту интенсивность и выполняют экспрессивную функцию.

Заключение

Таким образом, в ряду синтаксических средств, способствующих интенсивности поэтического текста, Виктором Кривулиным используются разные типы лексического повтора, особенности актуального членения предложения, инверсия, вводные и вставные конструкции, однородные члены предложения, разные типы простых и сложных предложений. Неоднозначность оценочности средств экспрессивного синтаксиса ярко проявляет авторскую интенцию. Переключение оценочного регистра осложняет семантическую структуру синтаксических конструкций и проецирует разные коннотативные оттенки. Рематические позиции, усиливаемые логической и интонационной акцентуацией, закрепляют ядерные коннотации. Все эти синтаксические конструкции поэтом экспрессивно эксплицируются при помощи средств вторичного семиозиса. Анализ поздней лирики Виктора Кривулина особенно ярко проявил указанные особенности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.162.105.1>

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.162.105.1>

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аверина А.В. Эпистемическая модальность как языковой феномен / А.В. Аверина. — Москва: УРСС, 2010. — 192 с.

2. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. — Москва: Языки русской культуры, 2016. — 408 с.
3. Джамалова М.К. Полиmodalность поэтического текста Елены Шварц / М.К. Джамалова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — № 1 (127). — С. 43–46. — DOI: 10.23670/IRJ.2023.127.154
4. Жантурина Б.Н. Конструкции двойного синтаксиса в практике поэтического перевода / Б.Н. Жантурина // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2017. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktsii-dvoynogo-sintaksisa-v-praktike-poeticheskogo-perevoda> (дата обращения: 01.11.25).
5. Жолковский А.К. Из записок об инфинитивной поэзии: проблемы описания и образцы комментария. / А.К. Жолковский. // Язык как материя смысла: сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой; под ред. М.В. Ляпон — Москва: Азбуковник, 2007. — С. 476–487.
6. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Оніпенко, М.Ю. Сидорова. — Москва: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. — 544 с.
7. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л.В. Зубова. — Москва: Новое литературное обозрение, 2000. — 431 с.
8. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / И.И. Ковтунова. — Москва: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1986. — 205 с.
9. Кривулин В.Б. Стихи 1964–1984 / В.Б. Кривулин. — Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. — 552 с.
10. Мороз Н.А. Средства выражения субъективной модальности художественного текста / Н.А. Мороз // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. — 2017. — № 14 (3). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-subektivnoy-modalnosti-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 01.11.25).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Averina A.V. E'pistemicheskaya modal'nost' kak yazy'kovoj fenomen [Epistemic modality as a linguistic phenomenon] / A.V. Averina. — Moscow: URSS, 2010. — 192 p. [in Russian]
2. Gak V.G. Yazy'kovy'e preobrazovaniya [Language transformations] / V.G. Gak. — Moscow: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2016. — 408 p. [in Russian]
3. Dzhamalova M.K. Polimodalnost poeticheskogo teksta Yeleni Shvarts [Polymodality of Elena Schwartz's poetic text] / M.K. Dzhamalova // Mezhdunarodnii nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International research journal]. — 2023. — № 1 (127). — P. 43–46. — DOI: 10.23670/IRJ.2023.127.154 [in Russian]
4. Zhanturina B.N. Konstruktsii dvoynogo sintaksisa v praktike poeticheskogo perevoda [Constructions of double syntax in the practice of poetic translation] / B.N. Zhanturina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. [Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Studies]. — 2017. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktsii-dvoynogo-sintaksisa-v-praktike-poeticheskogo-perevoda> (accessed: 01.11.25). [in Russian]
5. Zholkovskij A.K. Iz zapisok ob infinitivnoj poe'zii: problemy' opisaniya i obrazcy' kommentariya [From notes on infinitive poetry: problems of description and examples of commentary]. / A.K. Zholkovskij. // Language as a matter of meaning: a collection of articles for the 90th anniversary of Academician N.Yu. Shvedova; edited by M.V. Lyapon — Moscow: Azbukovnik, 2007. — P. 476–487. [in Russian]
6. Zolotova G.A. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazika [Communicative grammar of the Russian language] / G.A. Zolotova, N.K. Onipenko, M.Yu. Sidorova. — Moscow: V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, 2004. — 544 p. [in Russian]
7. Zubova L.V. Sovremennaya russkaya poe'ziya v kontekste istorii yazy'ka [Modern Russian poetry in the context of the history of language] / L.V. Zubova. — Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. — 431 p. [in Russian]
8. Kovtunova I.I. Poeticheskii sintaksis [Poetic syntax] / I.I. Kovtunova. — Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of Russian, 1986. — 205 p. [in Russian]
9. Krivulin V.B. Stikhi 1964–1984 [Poems 1964–1984] / V.B. Krivulin. — Saint Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2023. — 552 p. [in Russian]
10. Moroz N.A. Sredstva virazheniya subektivnoi modalnosti khudozhestvennogo teksta [Means of expressing the subjective modality of a literary text] / N.A. Moroz // Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika. [Bulletin of SUSU. Series: Linguistics]. — 2017. — № 14 (3). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-subektivnoy-modalnosti-hudozhestvennogo-teksta> (accessed: 01.11.25). [in Russian]